

При всем правовом равноправии современных государств существует фактическое их неравноправие, и разница в том, что описывается в терминах мощи (силы), влияния, ответственности и полномочий. Это легко увидеть в статусе участников главных международных организаций, будь то ООН, МВФ, или в участии во всевозможных «больших клубах» — G7, G20, ОПЕК, МАГАТЭ и т.д. Эта разница удостоверяется либо формальным статусом, подобно членству в Совете Безопасности ООН, либо долей голосов (акций), как в МВФ. Столь же легко увидеть несоответствие реальных положений и формальных признаний. Так, Китай, будучи одной из двух крупнейших экономик мира, не имеет столь же весомого статуса в МВФ, как США. Япония, Германия, Индия или Бразилия, будучи тоже крупнейшими экономиками мира, не имеют соответствующего статуса в Совбезе ООН и международных финансовых институтах, пусть и по разным причинам. Но ситуация более запутана, нежели различие между формой и содержанием.

Это, например, такие случаи, при которых чье-то поведение не отвечает ожиданиям других заинтересованных сторон. Один из таких случаев — политика России. По своему объективному положению Россия является державой, обладающей по праву и по факту мировым влиянием и осознающей свое значение для мировой экономики, политики и культуры как державы великой, несущей свою долю ответственности за соблюдение и восстановление действия международного права там, где оно вопиюще нарушается. Эта позиция закреплена и недавними поправками в Конституцию РФ.

Александр Агеев

www.ageev.net

DOI: 10.33917/es-5.185.2022.5

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

По своему субъективному положению, то есть в собственном восприятии и мотивации поведения, Россия в полной мере характеризуется тем, что «умом не понять». Можно, конечно, и понять, и объяснить, почему Россия (не только ее руководство и бизнес начала 1990-х, но и значительная часть общества) решила пожертвовать своим суверенитетом и со всем романтическим усердием и наивностью попытаться стать частью западного мира, принять его законы, обычаи и нравы, исполнять всевозможные «консенсусы», будь то доверчивость к обещаниям о нерасширении НАТО или приверженность к заданным постулатам макроэкономической политики. На неумолимые и неприятные последствия этого выбора, как и на множественность и противоречивость реального «Запада», внимания старались не обращать. Случилась «идеализация» партнера, превратившаяся с годами в «зависимость от пройденного пути», когда стало казаться, что «поздно пить боржоми».

То, что фатально для индивидуума, вовсе не так для общества, государства, тем более для цивилизационной системы. Еще М.В. Ломоносов зафиксировал закономерность о том, что «не было такого, чтобы Россия сил своих не возобновила». Через уроки «вхождения в Запад» поначалу любой ценой, затем на началах «суверенной демократии», означавшей восстановление политического и военного суверенитета, Россия корректировала траекторию своего развития. Это не был прямолинейный процесс, по большей части он напоминал «блуждание по аттрактору», выискивая подлинные цели и ценности, пытаясь осознать жизненно важные интересы.

Вовсе не однородное по своей социальной структуре сложилось к 2020-м годам российское общество. Оно сегодня во многом напоминает предреволюционную сословность 100-летней давности. Тогда несправедливое различие социальных положений, разнонаправленность интересов, ценностей и ожиданий разных социальных сил разрывала и государство, и общество на разновекторные куски. Социально-экономические и международные противоречия потребовали революционного способа разрешения, вызвали гражданскую войну, внешнюю интервенцию... Вопреки самым мрачным предсказаниям страна смогла собраться, создать «союз нерушимый», подготовиться и победить в страшной войне, провести две форсированные индустриализации...

Этот период с началом «перестройки» был подвергнут тотальному шельмованию. Опыт народа, способного на великие подвиги и жертвы, лишь «жила бы страна родная», лишь был бы «мир во всем мире», лишь была бы свобода и независимость Родины, справедливость и «развитие каждого как условие свободного развития всех», в последние 30 лет был кем-то и как-то приговорен к забвению и остракизму. Не сразу даже очень пронизательные умы разглядели в этом «ментальную войну», не сразу эта беда взошла на пьедесталы открытой общественной дискуссии, чтобы пусть даже в чрезмерной говорильне все-таки предстать как диагноз, проблема и как вызов и хоть какие-то проекты решений.

Для объективно великих держав необходима адекватность субъективного проявления их положения. Не спесь, не гордыня, не геополитическое своеволие, но твердая способность самостоятельно формировать картину мира и будущего, ясно осознавая свои жизненно важные интересы, свои подлинные ценности, свое возможное, приемлемое и желаемое будущее, свою, в конце концов, историческую судьбу и четко отделяя суету от настоящего и фундаментального.

Чрезмерная, а часто обожествленная и одновременно циничная опора на внешние оценки, сценарии и силы всегда указывает на опасные процессы утраты футурологического суверенитета государства, замутнение понимания своих и интересов, и ценностей, и идеалов. Из этого следует неумолимый и для кого-то неприятный вывод: многое, не всё, разумеется, на постсоветском пространстве является отражением того, как выстроено жизнеустройство в самой России. И многое изменится вокруг, когда она претерпит оздоровительное преобразование.

Великий генералиссимус Суворов Александр Васильевич, любивший «правду без украшений», не зря подчеркивал: «Победителю прилично великодушие».